

ко, изложенные по годам события передаются гораздо подробнее, с документальной точностью.

Дука опирался в основном на собственные наблюдения и рассказы очевидцев, но был знаком и с сочинениями своих предшественников — Никиты Хонита, Иоанна Анагоста, Никифора Григоры, возможно, Иоанна Кантакузина. Он хорошо осведомлен как в античной мифологии и истории, так и в богословских вопросах. В его повествование органически вплетены образы Священного писания, цитаты из ветхозаветных пророчеств, псалмов, евангелий. Они всегда уместны, точны, немногословны, к ним он прибегает в наиболее драматических местах. Текст истории насыщен в то же время сравнениями, почерпнутыми из древнегреческой литературы, с неперменной архаизацией топонимов и этнонимов. Точные транскрипции итальянских, турецких, персидских, славянских и французских названий, терминов и выражений говорят о знании автором нескольких языков. Употребление историком иностранных слов (для передачи которых греку не хватало ни букв, ни звуков) было знаменем времени: находясь в тесном общении с соседними народами, византийцы не могли не обогащать свою лексику заимствованиями из чужих языков. Переходная эпоха выразилась в варваризации греческого языка, свойственной и литературе того времени. Манера изложения историка простая, естественная, эмоциональная, по выражению Магулиаса — журналистская³⁹. Характеристики персонажей немногословны, лишь в исключительных случаях даются развернутые описания внешности или психологические характеристики героев. При этом Дука часто прибегает к пословицам, сравнениям из мира животных, каламбурам, острит и иронизирует.

Манера письма Дуки преимущественно повествовательно-событийная. Его внимание сосредоточено в основном на событиях недавнего прошлого или на их причинах. Географический ареал ограничен странами Средиземноморского побережья, Юго-Востока Европы, Малой Азии; изредка упоминаются государства Северной и Восточной Европы, Передней Азии и Кавказа. Особенно ценный материал его труд содержит по истории становления османской державы, ее взаимоотношений с тюркскими эмиратами, Византией и итальянскими колониями на Леванте. Особенности биографии и социального положения автора обусловили некоторые его интересы как писателя: Дука сообщает уникальные сведения о разработке и технологии изготовления квасцов в итальянских владениях (Ibid. XXV. 4), он дает единственное в своем роде подробное описание — со слов очевидцев — социально-религиозной программы восстания низов турецкого населения (1416 г.) (Ibid. XXI. 11—14)⁴⁰. Уже сам по себе интерес к производству и социальным вопросам — свидетельство появления в историографии нового исторического вида.

Много внимания уделяет Дука вопросу о заключении унии православной и католической церковью на Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Автор склонен рассматривать унию прежде всего как политическое соглашение, считая конфессиональные споры второстепенными. Дука уверен, что уния не задевает религиозного чувства, внутреннего мира человека, называет пустыми разногласия по обрядовым вопросам, оскорбительным отказ противников унии от общения с ее сторонниками. Распри, разжигаемые монашеством в связи с унией в рядах православной партии, он считал в сложившейся обстановке опасными и вредными. Трезво оценивая международное и внутреннее положение Византии, писатель полагал, что единственно возможным выходом в борьбе с османами является союз с Западом. Это было вынужденное латинофильство, вызванное не меркантильными, а политическими мотивами. Признание возможности рациональными методами влиять на ход событий, убеждение в том, что человек — активное действующее лицо в истории, отличало мировоззрение Дуки от фатализма торжествовавших победу исихастов-паламитов. Историк осуждает их позицию непротivления. Ощущение морального упадка общества, сознание обреченности империи не вызывают у писателя эсхатологических настроений. Чувство безысходности смягчено надеждой на близкую гибель вслед за Палеологами династии осман (Ibid. XLII. 14). Вера в услышанное им предсказание на этот счет вселяла подобие оптимизма, а мечты о возмездии придавали ему силы в тягостном труде описания османского могущества.

³⁹ Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks // An annot. transl. of «Historia Turco-Byzantina» by H. J. Magoulias. Detroit, 1975. P. 40.

⁴⁰ См.: Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюджи Мустафы // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980. С. 38—44.